

ПО
СЛЕДАМ
ГРОМКИХ
ДЕЛ

**Читайте романы ТАТЬЯНЫ СТЕПАНОВОЙ –
КЛАССИЧЕСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ,
написанные по всем законам жанра:**

В моей руке – гибель

Звезда на одну роль

Венчание со страхом

Прощание с кошмаром

Темный инстинкт

Все оттенки черного

Зеркало для невидимки

Врата ночи

На randevу с тенью

Улыбка химеры

Готическая коллекция

Ключ от миража

29 отравленных принцев

Флердоранж – аромат траура

Молчание сфинкса

Родео для прекрасных дам

Дамоклов меч над звездным тронem

Рейтинг темного божества

Прощай, Византия!

Сон над бездной

Царство Флоры

Предсказание – End

Драконы ночи

Black & Red

Пир на закате солнца

Три богини судьбы

ДНК неземной любви

Душа-потемки

Тот, кто придет за тобой

Демоны без ангелов

Валькирия в черном

Когда боги закрывают глаза

Девять воплощений кошки

Яд-шоколад

Невеста вечности

Колесница времени

Падший ангел за левым плечом

Призрак Безымянного переулкa

Пейзаж с чудовищем

Грехи и мифы Патриарших прудов

Созвездие Хаоса

Часы, идущие назад

Светлый путь в никуда

Умру вместе с тобой

Циклоп и нимфа

Последняя истина, последняя страсть

Перекресток трех дорог

Имеющий уши, да услышит

Великая иллюзия

Коридор затмений

Мойры сплели свои нити

Корень зла среди трав

Храм Темного предка

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

Зеркало
для невидимки

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Издание осуществлено при содействии
«Литературного агентства Ольги Рубис»

Степанова, Татьяна Юрьевна.

С79 Зеркало для невидимки : [роман] / Татьяна Степанова. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-04-205800-4

Кто страшнее – жестокий убийца или мрачный некрофил, оскверняющий могилы женщин? А именно перед таким выбором оказывается журналистка Катя Петровская, ведущая собственное расследование ряда загадочных убийств в цирке шапито, гастролирующем по Подмосковию. И она, и начальник «убойного отдела» Никита Колосов словно бредут по сумрачному лабиринту человеческих страстей, темных инстинктов и вожелений. Здесь все невероятно и зыбко... А ошибиться нельзя, слишком высока плата за неверный шаг – очередная смерть...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Степанова Т. Ю., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-205800-4

Глава 1

ДИКИЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

— «Как бы вы определили слово «дикий»? Перво-бытный, затем странный, причудливый. Нет, оно значит и кое-что еще. Скрытый намек на нечто страшное, даже трагическое».

Сергей Мещерский отложил томик Конан Дойла, из которого только что процитировал диалог Холмса с доктором Ватсоном. Взглянул на Катю, пожал плечами. «Дикий» — это словечко Катя повторила, наверное, уже раз десять. И в ее толковании, как и в толковании гениального сыщика с Бейкер-стрит, оно приобретало совершенно особенное значение.

Был душный июльский вечер. В Москве стояла редкая жара, столбик термометра даже в тени переваливал за тридцать. А здесь, в квартире Мещерского на Яузе, в комнате, вместо обоев обклеенной географическими картами, надсаживался из последних сил старенький кондиционер.

Еще утром, собираясь на работу, Вадим Кравченко задумчиво намекнул Кате, что очень неплохо было бы навестить вечерком Серегу. Мещерский с некоторых пор пребывал в похоронном настроении. И тому, как догадывалась умная Катя, было несколько причин.

Во-первых, дела в турфирме «Столичный географический клуб», в которой вот уже сколько лет работал Мещерский, шли в связи с кризисом из рук вон плохо. Во-вторых, у него вот уж неделю ныл коренной зуб, который он из чисто детского ужаса перед

зубным врачом наотрез отказывался лечить. А в-третьих, у Сереги щемило сердце.

Катя знала источник этой сердечной боли. Все началось с той их с Вадькой поездки в Сортавалу, где Мещерский, как выражался Кравченко, «жестоко врезался в одну гражданку и утратил последние иллюзии». Женщина было много, много старше Мещерского. Она была талантлива и знаменита. И она умерла. С тех пор прошло уже более года. Но каждый раз, когда Мещерский слышал ее голос по радио — она была оперной певицей, — он становился похож на человека, которого переехал катафалк.

Очередной приступ острой Серegiной хандры Кравченко предложил лечить «по-нашему, по-бразильски»: вместе с Катей он привез другу в утешение пива, мороженых креветок и пакет страшненькой сушеной рыбки, которую они с Мещерским отчего-то называли «живопырка».

Подливая приятелю пива, Кравченко терпеливо ждал, когда же у того, несмотря на ноющие зуб и сердце, просветлеет душа. Катя же... Они оба сразу заметили: несмотря на весь ее участливый, заботливый тон, она где-то очень далеко. О чем-то думает. И хоть молчит (что крайне на нее не похоже), но вся так и лучится любопытством, азартом, досадой и...

— Дикость какая, надо же!

Она произнесла это, обращаясь к пестрой карте Африки на стене, и повторила:

— Нет, ну надо же, какая дикость...

Приятели переглянулись, и Мещерский, пересиливая себя, робко спросил:

— Ну, что нового на работе, Катюш?

За Катю ответил Кравченко: мол, извела меня жена, совсем источила, как ржа железо. А все от скуки, потому что вот уже месяц вымучивает из себя для ученого юридического журнала статью о результатах исследований, проводимых на базе Академии МВД, о

проблемах виктимного поведения потерпевших в случаях... Короче — со скуки удавиться.

— Ребята, я потеряла день, — перебила его Катя, — пока я копаюсь в библиотеке, у нас такие дикие вещи творятся!

Мещерский вздохнул: Катя в своем амплуа. Дикие происшествия в Подмосковье. Аршинный газетный заголовок. Он хотел было горько усмехнуться, но тут встретился с ней взглядом.

— Не сиди как сыч, — сказала она, — и хватит столько дуть холодного пива. Вот раздует флюс — узнаешь. — Она жалостливо погладила щеку Мещерского. — Я же говорила вам: дикие вещи, просто ужас!

Вот тут-то Мещерский встал и отошел к книжному шкафу. Слова великого сыщика с Бейкер-стрит, памятные с самого детства, были тут как нельзя более уместны. Кате цитата понравилась. Потому что отражала суть случившегося.

Из трех весьма необычных происшествий истекших суток больше всего, конечно, Катю насторожило и встревожило сообщение о кладбище. Да, такого она что-то не припомнит. Кажется, прежде такого в Подмосковье не случалось. И надо же, какое совпадение, что все это: и «дикое происшествие» на Нижне-Мячниковском кладбище, и убийство на двадцать третьем километре, и странный, почти фарсовый случай в Стрельне — произошло в одни и те же сутки с интервалом в несколько часов. Вот и ломай теперь голову, куда завтра помчаться ей, сотруднице Пресс-центра областного ГУВД, с чего начать, чтобы, не дай бог, не упустить что интересное. Впрочем, летом всегда так — то тоска зеленая, ни одного серьезного, стоящего дела, одна бытовуха, а то вдруг — ба-бах!

— Сережка, представляешь... а, да ты не представляешь ничего... Послушай... В Стрельне, это за МКАД, у Мытищ, где оптовая ярмарка знаменитая, ее все по телевизору рекламируют... знаешь, кто там, оказывается, водится? — выпалила Катя.

- Призрак обманутого потребителя?
- Я серьезно! Там водятся львы!
- Ты это серьезно, Катюша?

Кравченко, слушавший этот диалог, собрал пустые стаканы, бутылки и понес на кухню, отчего-то при этом пританцовывая некое подобие неуклюжей ламбады. «Дурачки, — подумала Катя, следя за его выкрутасами и за ласково-грустно-снисходительно улыбающимся ей Мещерским, — боже, какие же дурачки!»

— Я сегодня в сводке происшествий прочла о случае нападения льва на человека. Произошло это в Стрельне, на территории оптовой ярмарки. Туда и милицию, и «Скорую» вызывали. К счастью, все обошлось, человек не пострадал.

— В Стрельне под Мытищами? Ты что... разыгрываешь меня?

— Ну, боже ты мой, — довольная Катя следила за собеседником. — В сводочке черненьким по белому в разделе «Несчастные случаи». Там цирк-шапито, Сереженька. Передвижной цирк с июня представления дает. Полная программа, даже львы, как видишь, имеются, чтобы их укрощать. Вот и получилось, что алая кровь едва-едва не обагрила арену амфитеатра.

— Черт знает что такое, — Мещерский заворочался в кресле, — цирк... А как же человек попал...

— Никаких подробностей, увы, пока не знаю. Я же русским языком жалуюсь тебе: я со всей этой своей процессуально-правовой тягомотиной потеряла такой день! День, полный блестящих событий. И лев — это еще не все. Там же, в Стрельне, точнее, на въезде в нее, на двадцать третьем километре, произошло убийство. Туда весь наш убойный отдел выехал. А все другие уехали знаешь куда?

— А кого убили?

— Понятия не имею. В сводке черненьким по белому: обнаружен полуобгоревший труп неизвестного в полуобгоревшей же иномарке на обочине шоссе.

Причина смерти, по предварительным данным, — огнестрельное ранение в голову.

— Пошлая разборка, — с порога поставил диагноз Кравченко. — Братки ареал обитания делят.

Катя только фыркнула на него:

— Я, я рассказываю! Не ты. Заглохни. Дикость: труп как головешка. Вот радость-то нашим такой ужас осматривать. Но и это опять же еще не все. Я до самого главного еще не добралась.

— Серега, пивка? — Кравченко откупорил бутылку.

— Спасибо.

Кравченко хмыкнул: то ли «Балтика»-«девятка» виновата, то ли Катькины страшилки, но Серега понемножку оттаивает. С несчастным влюбленным надо как с беззубым младенцем: плачет карапуз, горюет — мигом отвлеки его внимание. Тут любая погремущка сгодится, любой прибабас, не то что страшные-страшные сказки.

— Катьке больше не наливай, — сказал он. — Ладно, про дикость мы слыхали, что еще?

— На Нижне-Мячниковском кладбище осквернение могилы. — Катя брезгливо поежилась. — В сводке крайне скупо, мало информации. Я в Стрельненский ОВД звонила, у них там с этим убийством головы квадратные, но все равно — даже дежурный в шоке: дикие подробности, говорит! Даже по телефону сообщить отказался. Сказал только — свежая могила кем-то разрыта. Вчера похороны были, женщину хоронили. А ночью ее кто-то вырыл и...

— И? — Но тут Кравченко наткнулся на Катин взгляд, и ему отчего-то враз расхотелось балагурить. — И что?

— Кошмар, вот что. Там еще до сих пор осмотр места происшествия идет. Кладбище оцепили. Никого не пускают. Мне дежурный сказал: мрак кромешный. Наяву такое и представить трудно.

Глава 2

«ГАРЬ»

То, что это место происшествия окажется таким блевотным, начальник отдела убийств Никита Колосов не ожидал. Знал бы, что предстоит, нипочем бы не поехал в новом костюме. Нагишом бы, как Робинзон, отправился.

С костюмом отдельная история. Не то чтобы Колосов наряжался только по великим праздникам, а... Короче, из министерства в главк нагрянула строгая проверочная комиссия. А после выполнения разных скучных профессиональных формальностей по древнему русскому обычаю дорогих, хоть и незваных гостей нужно было угостить чем бог послал. И как ни парадоксально, но при всей его катастрофической занятости, что, как безжалостный рок, преследовала начальника отдела убийств, заставляя его буквально гореть на работе и все откладывать и откладывать сладкие помыслы о личном счастье, организатором таких вот «отходняков» для проверяющих выпадало быть именно ему. Разгадка была проста: всем был прекрасно известен талант начальника отдела убийств: когда требовали интересы дела, Колосов был в состоянии перепить не только любого отдельно взятого члена проверочной инстанции, но и всю эту инстанцию в полном составе.

Так случилось и на этот раз. Банкет на природе затянулся до поздней ночи. А напоследок Колосову, как самому трезвому, еще выпала нелегкая доля развозить гостей по домам. Последнего пришлось транспортировать аж в Щербинку уже в третьем часу утра. После таких вояжей ехать домой уже не было смысла. И Колосов, как был в парадном костюме, с легким кружением в голове и радужными искрами в глазах прибыл на работу, в родной кабинет в Никитском переулке. Там за несколько минут до начала утренне-

го развода его и застал звонок дежурного: убийство на двадцать третьем километре.

Но в то, что на этом чертовом двадцать третьем его ждет еще и то, что в милиции называют «гарью», Колосов поначалу как-то не врубился. А когда врубился, уже не мог отделаться от настойчивой мысли, что во всей этой открывшейся его взору черной удушливой «гари» что-то не так.

Сейчас, стоя в анатомическом зале морга Нижне-Мячниковской районной больницы (это была дощатая пристройка, более напоминающая большую строительную бытовку, чем такое скорбное заведение, как морг), Колосов в который раз уж пытался восстановить в памяти то, что увидел там, на двадцать третьем километре объездного шоссе, ведущего в подмосковную Стрельню.

Местечко было гиблым. Подозрительно гиблым: узкая, пробитая в пожухлой от солнца траве колея с магистрального шоссе огибала пологий холм, поросший колючками и дремучим кустарником. Колея вела к затхлому пруду с черной водой. Автомобильную эту тропу проторили, видимо, грузовики. Водители, особенно дальних рейсов, черпали из пруда воду, охлаждали перегревшиеся моторы и мыли машины перед въездом в столицу.

Но на этот раз за кустами стоял не грузовик, а легковушка, точнее, то, что когда-то ею было. И даже более — иномаркой. Вокруг нее суетилось немало народа: пожарные, сотрудники ГИБДД (их патруль и обнаружил «гарь» в 6.15 утра по поднимавшемуся над холмом столбу дыма) и целая туча любопытных зевак из припарковавшихся к обочине проезжих машин.

Огонь потушили быстро, зевак разогнали еще быстрее. В процессе тушения и обнаружилось, что в машине погибший... Колосов вспомнил, что ему с самого начала бросилось в глаза на этом месте происшествя: целехонький, почти не поврежденный кузов автомобиля. Это была красная «Ауди», как впослед-

ствии выяснилось — 1995 года выпуска. Неповрежденный кузов и... черный, обугленный салон. Причем обугленный тоже как-то необычно: словно наполовину. Заднее сиденье, например, пострадало гораздо меньше, чем переднее и приборная панель.

Очаг возгорания, как они сразу определили с экспертом, находился на переднем пассажирском сиденье. Сюда кто-то кучей навалил какую-то ветошь, резиновый коврик для ног, еще какое-то барахло, видимо, взятое из багажника. А также несколько веток. Вот это странное и на первый взгляд какое-то диковатое кострище и подожгли, воспользовавшись спичками (две обгорелые спички были обнаружены в траве и приобщены в качестве вещдока к делу) и скрученным из глянцевого эротического журнала самодельным факелом, обрывки которого тоже были обнаружены рядом с машиной у правого заднего колеса.

— В дыму, наверно, бедняга, задохнулся, — один из пожарных поделился своими соображениями с напарником. — Заложил за ворот, ну и выскочить не смог. Ну и сволочь же тут орудовала! Надо же, живьем человека в машине спалить!

Живьем... Это словечко тоже было из разряда гиблых. И подобных словечек Колосов терпеть не мог. Оно не несло в себе никакой полезной информации, одни лишь эмоции.

— Два пулевых ранения в голову, Никита Михайлович. Я предварительный визуальный осмотр провел. Кое-что есть интересное. Начнем? Или следователя будете ждать?

Голос судмедэксперта Грачкина. Настоящее имя его Евгений Евгеньевич, но иначе как «Женечка и Катюша» его в экспертно-криминалистическом управлении не зовут. Грачкин — толстый коротыш, у которого в жизни помимо любимой профессии есть еще две роковые страсти — молодая жена, которую он обожает и дико ревнует, и ранняя лысина, которую он ненавидит до судорог и от которой пытается

отделаться с помощью современных средств для рашения волос.

Прозвище «Женечка и Катюша» дано ему за неповторимую манеру общаться с женой по телефону. Ей, как всем известно, Грачкин звонит через каждые два часа, где бы он ни находился, даже на ЧП в чистом поле, пользуясь мобильным телефоном вышестоящего начальства. И беседа его всегда звучит примерно так: «Когда приеду? Скоро. Ну, я же сказал! Женечка сказал Катюше — скоро. И к маме твоей в воскресенье съездим. Почему это я забыл? Я помню. Женечка и Катюша куда поедут в воскресенье? На блины к тещ... я хотел сказать — к мамочке!»

Нынешний деловой и лаконичный тон Грачкина был непривычен уху. Колосову все казалось, что он вот-вот услышит: «Женечка и Катюша говорят: два пулевых тут у нас, ну, короче, две дырки в черепе».

— А почему прокуратура до сих пор не приехала? — спросил он эксперта.

— Ждем-с.

— Тогда давай пока без них.

— Пиджак сними, Никита Михалыч. Изгваздаетсяшь. А красивый костюмчик. Стильный.

Колосов потянул пиджак с плеч. В этом костюме, да еще при галстукe он чувствовал себя как конь в новой сбруе. В костюмах, как, впрочем, и в форме, начальника отдела убийств в областном главке видели редко. Больше в джинсах и кожанке, более пригодной для черной оперативной работы.

Мертвец в полусгоревшей красной «Ауди» был своим видом схож... С чем? Прежде Никите казалось: смерть, это самое трагичное из всех трагических происшествий, должна, нет, просто обязана быть и жуткой, и отталкивающей, но при всем том обязательно пристойной. Потому что чувства жалости и сострадания, а главное, уважения и страха к смерти моментально улетучиваются, если она, как, например, сейчас, выглядит крайне непристойно.

Перед ним был человек, точнее, нечто, похожее больше на полуобгорелый пень. На изуродованную огнем деревяшку, на останки Буратино-переростка, так глупо сунувшего нос в очаг, оказавшийся не нарисованным, а настоящим.

Колосов осмотрел останки. Наполовину человек — наполовину пепел. Никита заглянул в лицо этой головешке: подбородок, скулы — все обуглено. Дикий оскал-ухмылка, зубы проглядывали через прорехи полусоженной плоти.

На погибшем были белые фланелевые брюки и вишневая футболка. Это можно было определить по уцелевшим фрагментам ткани.

По фрагментам же кожи, не тронутой огнем, опознать погибшего было невозможно. Не то что милиция, родная мать никогда бы не признала в этом нечто какие-то знакомые, родимые черты. Пока эксперт-криминалист фотографировал выгоревший салон и труп, сидевший на водительском месте, Колосов бегло и вместе с тем тщательно осмотрел очаг возгорания: спекшийся под действием высокой температуры пластик, резина, искусственная кожа некогда удобных и мягких сидений, треснувшее и почерневшее от копоти зеркальце, закопченное лобовое стекло.

Он попытался вскрыть «бардачок», точнее, сгустки бесформенной пластмассы, которые от него остались, — головешка отвалилась, испачкав руки жирной сажей. Потом они вместе с экспертом вскрыли багажник — он оказался не заперт, — ничего интересного.

В пепле искали ключи от машины или их остатки, но они либо сгорели, либо же их не было... Эксперт старательно фотографировал номер, чудом пощаженный огнем. Что ж, есть зацепка проверить владельца по банку данных ГИБДД. Впрочем, на такие быстрые чудеса Колосов давно уже не надеялся. Если даже

владельца установят, это еще совсем не значит, что обугленный труп и он — одно и то же лицо.

Тело не вытаскивали и не перемещали до приезда следователя. Колосов, согнувшись в три погибели в тесном салоне, осматривал голову погибшего. Только наметанный глаз судмедэксперта Грачкина мог определить, что в эту черную головешку кем-то всажены пули. А что тут было, как, каким образом совершено убийство — на все эти вопросы до капитально проведенного вскрытия пока нет ответа. Колосов наклонился, стараясь различить входные пулевые отверстия. Вот так, наверное, и выглядят египетские мумии...

— С близкого расстояния стреляли, — обернулся он к Грачкину. — Почти в упор. Хотя сам видишь, какой у нас тут материал для исследований.

Грачкин покачал головой, словно упрекая потерпевшего в том, что он предстанет на судмедэкспертизу не в должном виде.

Колосов наклонился еще ниже, в горле запершило от едкого смрада. Да уж, неопознанный труп этот, если не повезет, как камень повиснет на отделе убийств. Если с номером «Ауди» сразу ничего не выгорит — это не что иное, как классический «глухарь», причем как раз накануне подведения итогов работы за квартал. А в результате проклятая статистика ухнет коту под хвост.

— Женя, ну-ка погоди. Ты с этой стороны его осмотрел? — Колосов осторожно, стараясь превозмочь душившую его тошноту, пытался развернуть к себе тело. — А дверь со стороны водителя пробовали открыть?

— Если только автогенном. Спасателей вызывать. Заклинило ее.

— Ну, мы и без спасателей обойдемся. Посмотри-ка...

Левая рука мертвеца, как и правая, тоже пострадала от огня, но... Колосову казалось, у него под паль-

цами мертвая сухая глина. Он осмотрел кисть — пальцы скрючены, словно мертвец в последнее мгновение жизни цеплялся за воздух. Кожа в багровых лишаих ожогов и копоты.

— Помоги разжать ему пальцы.

Грачкин более не задавал вопросов.

— Ну, хвала аллаху, — сказал он через несколько секунд. — На мизинце и безымянном ожогов нет. Пригодны для идентификации. Видимо, когда после выстрела он сполз вниз, рука попала в щель между сиденьем и дверью и огонь до нее не добрался.

Мигом откатали пальцы прямо тут, на месте. Однако материал был такой ненадежный, что эксперт решил подстраховаться и дополнительно занялся отпечатками, когда тело перевезли уже в морг Нижне-Мячниковской больницы. Вскрытие назначили на половину второго. И все оставшееся время Колосов провел на двадцать третьем километре, осматривая участок шоссе, колею в траве, холм и берега пруда.

Чудно было как-то, что такая красная, такая крутая и дорогая машина могла оказаться среди ночи в такой затхлой дыре. Никита пытался рассчитать по времени. И так, патруль заметил дым с дороги в 6.15 утра. По словам гаишников, когда они подъехали к месту, тачка уже полыхала. Но одно дело, если бы на нее плеснули бензином — тогда возгорание было бы делом одной минуты. Однако при осмотре в салоне следов бензина или каких-то иных горючих веществ обнаружено не было. Правда, это их с Грачкиным предварительное предположение, окончательно все разъяснит пожарно-техническая экспертиза, но...

Да не обливали этого типа бензином из канистры! А она, наполовину полная, как раз и имелась в не тронутом огнем багажнике — это факт. Колосов следил за точными и неторопливыми движениями судмедэксперта. И во время вскрытия на коже не выявлено следов бензина. Странный самодельный костерок сложили на переднем пассажирском сиденье...

Кто же это сделал? Что там было? Обугленные ветки, обрывки ветоши и... этот чертов резиновый коврик, он все еще тлел, смердел. Его даже раза два водой поливали. Резина горит тяжело, неспешно. Значит, между моментом, когда машину подожгли таким вот «неэкономичным» способом, и временем, когда патруль увидел клубы дыма из-за холма, могло пройти...

— Точное время смерти, судя по тому, что мы этокое вот жаркое имеем... — Грачкин осуждающе вздохнул, кивая на тело на оцинкованном столе. — В общем, ничего точно я тебе не скажу. И путать даже вас не хочу своими догадками. Может, пожарные что подскажут, рассчитают время возможного загорания. Я же перехожу к тому, что очевидно. Итак, труп мужчины, приблизительно 35—40 лет. Сильное обгорание тканей, особенно пострадали ноги, тазобедренный, правая сторона туловища, лицевой и шейный отделы. Однако все эти повреждения от действия высокой температуры носят не прижизненный, а посмертный характер. На что указывает состояние внутренних органов и дыхательных путей. Причиной же смерти явились два огнестрельных ранения черепа. Повреждены правая височная доля с раздроблением кости и челюстной отдел. Причем оба ранения, как височное, так и челюстное, — слепые.

Колосов следил за Грачкиным. Сейчас патологоанатом напоминал скульптора, обхаживающего драгоценный мрамор, — извлечение пуль при слепых ранениях — дело виртуозное. Итак, длина раневого канала... наличие на коже следов пороховых газов...

— Так в упор стреляли-то? — спросил Колосов, когда Грачкин вооружился хирургическим зондом.

— С очень близкого расстояния. Стрелявший либо сидел рядом с потерпевшим в машине на пассажирском сиденье, либо стоял рядом с правой стороны. А вот и пуля. Любуйся.

Колосов рассматривал пулю, выложенную на белый фаянсовый лоточек. Через несколько минут к

ней присоединилась и вторая, извлеченная Грачкиным из другой раны.

— Я, конечно, не спец в вашей баллистике, — Грачкин хмурил светлые брови, — но...

Колосов осторожно взял осклизлый бесформенный комочек. Сплющенная пуля. Странная какая форма. Похоже, вроде от «ТТ», но...

— Упакуй, пожалуйста, я сам в экспертное управление отвезу, — попросил он. — Больше, Евгений, ничего мне сказать не желаешь?

— А что? Сам видишь. Расстреляли его, как мишень в тире. Умер он почти мгновенно от ранения в висок. Второй выстрел, видимо, был контрольным. Ну, тут рука малость дрогнула, пуля в челюсти застряла. Потом для сокрытия улик машину подожгли при помощи, так сказать, подручных средств. Все оплавилось — там же сплошной пластик, хреновина. Ни одного дельного отпечатка с этой «гари» так и не изъяли. — Грачкин прошел к раковине и начал мыть руки, обтянутые резиновыми перчатками. — С кем он к этому пруду поперся-то? И главное — зачем?

Да, это был, конечно, интересный вопрос. Колосов хмыкнул. Зачем неустановленный потерпевший съехал с оживленной магистрали в укромное местечко? И когда это произошло? Ночью? Или уже под утро? Колосов еще раз осмотрел распластанное на столе тело — невидимка-потерпевший, прячущийся под этой черной обугленной маской. Невидимка и его убийца...

Что понесло его к пруду? По великой надобности? Так отчего машину не оставил на обочине? Боялся, что угонят? А может быть, у того типа из «Ауди» была с кем-то назначена там встреча? Но почему в таком поганом месте, ночью? К тому же следов присутствия у пруда какой-то другой машины не выявлено. Никита вспомнил, как он сам чуть ли не десять раз обыскал все вокруг. Только следы протекторов грузового транспорта, но недельной давности, а то и больше.

Быть может, тот, с кем была назначена встреча, пришел к пруду пешком? Или проще — приехал на машине, оставил ее на дороге, а сам прогулялся за кусты? Или же еще проще — приехал вместе с потерпевшим в одной машине? Но зачем их понесло ночью к этой яме с водой, загаженной грязью и бензином?

— Ну, бог в помощь, Никита. — Грачкин потянул с рук чисто вымытые перчатки. — Костюм-то теперь тебе в химчистку придется отдавать. Пиджак еще ничего, но брюки... Вот ведь жалость какая.

Колосов глянул на свои бежевые парадные брюки. Следы черной жирной копоти — как пятна на жирафе. Грачкин вышел в стеклянный предбанничек и тут же моментально метнулся к телефону. «Катюша... но я же сказал... Звоню-звоню, а ты что ж, к телефону демонстративно не подходишь?» — донеслось через минуту до Колосова. Он вздохнул: дело с самого начала поворачивалось той самой паскудной стороной, которую он терпеть не мог, — научной. Никаких активных действий, никакого розыскного ажиотажа по горячим следам. Сиди и жди, когда придут из ЭКУ результаты дактилоскопической экспертизы, пожарно-технической, баллистической, химико-технологической, экспертизы горюче-смазочных веществ и... Чтоб их всех черти разорвали!

Колосову смерть как было жаль новые брюки.

Глава 3

ИЗЮМИНКА?

Все как-то подернулось серой пылью. Грешно, конечно, с такими мыслями начинать новый рабочий день, да что делать-то?

Политика, политика, политика. Что же дальше-то будет? А по части неполитических новостей... Катя с тоской оторвала взгляд от телевизора, где только что

окончился информационный выпуск, увидела свой стол, заваленный подшивками газет. Тут же коротал время увесистый том сводок происшествий. Сколько же всякой информации! Но — хоть разорвись — писать абсолютно не о чем.

Всем — редакторам газет, издателям сборников и журналов — с некоторых пор требуется не просто «жуткое» сенсационное преступление, а еще и с какой-то... изюминкой. Эта самая изюминка уже начала сниться Кате в виде огромного черного яйца, которое снесла гигантская курочка Ряба.

Самое-то главное, все эти ужасные газетчики сами толком не знали, что им подойдет. «Многие темы уже набили читателю оскомину. Потеряли актуальность, приелись. Необходим принципиально новый подход к концепции подачи криминальной хроники». Катя слыхала подобные рассуждения уже сотни раз.

«Ну подумаешь, велика новость — в поселке Старая Ситня после совместного употребления спиртных напитков муж, приревновав жену к соседу, нанес ей сорок девять ран кухонным ножом, — заявил как-то Кате редактор субботней полосы криминальных новостей из «Вестника Подмосковья». — Ну кого нынче удивишь пьяной оргией? Ревность, вспыхнувшая в парах дешевой водки... Нет, все это пошло, пошло, Катюша. И надоело читателю хуже горькой редьки. Читателю знаешь что хочется? Большой и чистой любви. Понимаешь? Эдаких шекспировских страстей, а не этого вот деревенского позорища».

Катя тогда промолчала: к чему разубеждать журналиста, который считает, что он прав? Просто редактор криминальной полосы не видел того, что произошло в Старой Ситне. В той квартире, в крохотной облезлой кухне с ржавой раковиной, с кишачими по всем углам рыжими тараканами, где муж из ревности резал жену, все стены, весь пол и даже потолок («частичные обильные потеки» — было сказано в протоко-